

заключенію, „что Пушкинъ съ молодыхъ лѣтъ зналъ Радищева, высоко цѣнилъ его, признавая за его сочиненіями важное значеніе, подпадая ихъ вліянію“. Если надо считать доказаннымъ сочувственное отношеніе Пушкина къ Радищеву въ Александровскую эпоху, то это,—замѣчаетъ иронически нашъ авторъ,—можетъ не смущать критиковъ, одобряющихъ строгій приговоръ Пушкина о Радищевѣ: имъ извѣстно, что въ юности Пушкинъ заблуждался, но въ Николаевское время, по ихъ мнѣнію, совершенно измѣнилъ свои взгляды, преисполнился благоразуміемъ и напалъ на Радищева, съ которымъ прежде поклонился „вольности“. „Но что же,—спрашиваетъ г. Якушкинъ,—можетъ означать тотъ стихъ въ вариантахъ къ „Памятнику“, гдѣ Пушкинъ, какъ свою историческую заслугу, выставляетъ то, что онъ „вслѣдъ Радищеву возславилъ свободу“? Гдѣ же здѣсь „благодѣтельность“ Пушкина; какимъ образомъ, осуждая Радищева въ своихъ статьяхъ за его свободолюбіе, Пушкинъ въ этомъ знаменитомъ стихотвореніи, въ своей почти лебединой пѣснѣ, свои права на безсмертіе и на благодарность народа ставитъ въ томъ, что славилъ свободу по слѣдамъ того же самаго Радищева?... Такимъ образомъ, гг. критикамъ трудно, во всякомъ случаѣ, по вопросу о Радищевѣ говорить о благоразумномъ отношеніи Николаевского Пушкина къ автору „Путешествія“; они, понимая статьи Пушкина о Радищевѣ такъ, какъ они ихъ понимаютъ, должны возводить на Пушкина тяжкое обвиненіе въ вѣроломномъ двуличіи: онъ, по мнѣнію критиковъ, въ своихъ статьяхъ, приготовляемыхъ для печати, осуждаетъ взгляды Радищева, въ своихъ душевныхъ стихахъ хвалится своимъ единомысліемъ съ нимъ. Это было бы благоразуміе особаго рода, причемъ, конечно, ужъ не можетъ быть и рѣчи о сопричисленіи Пушкина къ сонму враговъ Радищева; тутъ ужъ нѣтъ новыхъ авторитетныхъ обвиненій противъ Радищева, а самъ Пушкинъ подпадаетъ тяжкому обвиненію въ лицемеріи и двоедушіи. Развѣ иначе можно объяснить противорѣчивыя воззрѣнія на Радищева въ статьяхъ и въ стихахъ? Да, но существуетъ ли на самомъ дѣлѣ такое несогласимое противорѣчіе? Въ смыслѣ стиховъ нельзя сомнѣваться; но вѣрно ли понять смыслъ статей?“

Авторъ именно убѣжденъ, что смыслъ статей до сихъ поръ не былъ правильно понятъ. Г. Якушкинъ припоминаетъ изъ книги Морлея о Дидро, что англійскій писатель съ удивленіемъ говоритъ о презрительномъ для него обыкновеніи французскихъ писателей прошлаго вѣка прибѣгать къ иносказательнымъ выраженіямъ для замаскированія своихъ нецензурныхъ мыслей. „Мы, русскіе,—говоритъ г. Якушкинъ,—не можемъ раздѣлять благороднаго удивленія англичанина: для насъ совершенно понятно употребленіе иносказаній въ